

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН.	5
Глава первая. ПЕРЕД ВЕНЧАНИЕМ.	21
Глава вторая. ТОВАРИЩ ПОЛЯК.	43
Глава третья. БЫСТРАЯ СМЕНА КАРАУЛА.	63
Глава четвертая. ВВЕРХ НОГАМИ НАД РЕЛЬСАМИ.	79
Глава пятая. НАРУШЕННЫЙ ПРОТОКОЛ	98
Глава шестая. СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ.	124
Глава седьмая. НИНДЗЯ РУССКИХ КРОВЕЙ	147
Глава восьмая. ВЕДЬМА И ДЕВОЧКА	165
Глава девятая. КИТАЕЦ С РУССКОЙ ДУШОЙ	182
Глава десятая. КРОВНАЯ МЕСТЬ	203
Глава одиннадцатая. СКРОМНЫЙ БЫТ АРМЕЙСКОЙ РАЗВЕДКИ.	225
Глава двенадцатая. НЕГЛУБОКАЯ МОГИЛА	254
Глава тринадцатая. БЕЗ СУДА И СЛЕДСТВИЯ.	268
Глава четырнадцатая. ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ РУССКАЯ БАРЫШНЯ	287
Глава пятнадцатая. ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.	311
Эпилог. УРОКИ ИСТОРИИ	316

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Давно уже старший следователь не видел полковника Щербакова таким задумчивым.

Когда Волин вошел в кабинет, непосредственное начальство стояло у окна и смотрело на улицу. Что именно оно там высматривало, понять было совершенно невозможно. Старший следователь на всякий случай тоже выглянул в окно из-за широкого полковничьего плеча — и ничего там не увидел. То есть не то чтобы совсем ничего, но, скажем так, ничего особенно нового. По улице ехали те же автомобили, что и вчера, шли те же прохожие, не говоря уже о домах, некоторые из которых стояли тут уже со времен царя Гороха.

— Садись, Орест Витальевич, — не оборачиваясь, негромко сказал полковник.

Волин удивился: по имени-отчеству Щербаков звал его раз примерно в сто лет, ну, или немногим чаще. Тем не менее на стул он сел и приготовился ко всему — от увольнения до вручения ордена «За заслуги перед Отечеством» четвертой или даже третьей степени. Какие такие особенные заслуги могли быть у него перед отечеством, Орест Витальевич не знал — на то есть вышестоящее начальство, ему

судить сподручнее. Он же сам по совету Пушкина, не дрогнув, примет и увольнение, и орден.

До орденов, впрочем, дело не дошло, о чем можно было догадаться и самому: ордена у нас обычно вручает не непосредственное начальство, а глава государства. Правда, и увольнять его тоже не стали, и это была хорошая новость, потому что идти куда-нибудь вахтером майор юстиции Волин совершенно не хотел — он чувствовал себя еще слишком молодым для такой абстрактной должности.

Полковник наконец отвернулся от окна, сел за стол напротив Волина и, глядя куда-то мимо него, произнес загадочную фразу:

— Совсем озверел...

Кого именно полковник имеет в виду, старший следователь даже думать не хотел. То есть он, конечно, мог догадываться, но предпочитал этого не делать. Потому что оперативная сметка — вещь хорошая, но всякая сметка хороша в рамках конкретного уголовного дела. Если же ты свою догадливость начнешь пихать всюду, куда только можно, то ни к чему хорошему это не приведет. Пусть уж руководство само скажет, кого оно имеет в виду, когда использует такие непочтительные формулировки.

— Совсем, говорю, озверел народ, — продолжал полковник.

Ах, вот о ком речь! Ну, это зло еще не так большой руки, да и нет в этом ничего нового, народ — он на то и народ, чтобы время от времени звереть. Как это говорит старая пословица: не озвереешь — не покаешься? Вышеупомянутый Пушкин, как известно, тоже говаривал: «Да здравствует русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Впрочем, нет, у Пушкина это было как-то по-другому, общий смысл сво-

дился к тому, что не надо нам никакого бунта — ни русского, ни тем более иностранного. Хватит и того, что они нам тут без всякого бунта устроили...

— Что-то случилось, Геннадий Романович? — любопытствовал старший следователь.

— Случилось, брат, — вздохнул полковник. — Священника убили, отца Георгия.

Имя это ничего не говорило Волину, тем более что Щербаков по принятому православному обычаю назвал священника только по имени, без фамилии. Но, может быть, священника этого лично знал сам полковник?

— Не знал, — отвечал Щербаков, — да это тут и ни при чем вовсе. Я в общем смысле рассуждаю. Понимаешь, майор, в жизни, какой бы она ни была сумасшедшей, должны быть какие-то святые вещи. Есть категории людей, которых, по моему мнению, убивать нельзя ни при каких обстоятельствах. То есть это я не к тому говорю: убивать, конечно, вообще никого не надо. Но когда убивают, например, детей, беременных женщин, врачей там, учителей, священников, лично меня какой-то непонятный страх охватывает. Как будто не среди людей мы живем, а в диких джунглях, среди львов и крокодилов...

— Так точно, товарищ полковник, именно там мы и живем, — подтвердил Волин.

Начальство бросило на него острый взгляд: не издевается ли над ним, случаем, подчиненный-карбонарий? Но старший следователь смотрел совершенно серьезно, без какого-либо намека на улыбку.

— Что известно об убийстве? — спросил Волин.

Оказалось, покойный Георгий Вельяминов был молодым еще мужчиной, ему не исполнилось и тридцати. Священником, впрочем, он был тоже моло-

дым, рукоположили его менее года назад... А вообще, вот адрес храма и телефон настоятеля, пусть господин старший следователь, он же товарищ майор, сам всех, кого надо, и расспросит.

* * *

Старший следователь, не искушенный в богослужебных делах, попал в храм Троицы Живоначальной прямо в разгар всеобщего бдения. Свечи подрагивали живым огнем перед образами, алтарный иконостас поднимался вверх, и лики святых под высокими церковными сводами смутно мерцали в вечерней полутьме. Хор пел величественно и печально, немногочисленные прихожане крестились и кланялись, и старшему следователю тоже почему-то захотелось перекреститься и склонить голову в память о незнакомом ему отце Георгии.

Женщина в темном платке, принимавшая записочки и продававшая свечи, сказала Волину, что до конца вечерней службы осталось еще часа полтора, не меньше. Тот задумался: терять полтора часа на ожидание ему не хотелось. С другой стороны, выдернуть настоятеля посреди богослужения для разговора было, разумеется, делом совершенно невозможным.

— А вы крещеный? — спросила женщина, видя его колебания.

— Крещеный, но не воцерковленный, — коротко отвечал Волин.

— Это ничего, все равно постоит, послушайте. У нас службы хорошие.

Старший следователь удивился: он не знал, что службы бывают хорошие и плохие. Своей наивностью

он даже немного повеселил собеседницу. Не хорошие и плохие, уточнила она, а есть, в которых благодать чувствуется, и есть такие... безблагодатные.

— А вы с отцом Георгием были знакомы? — спросил он.

Лицо у собеседницы стало грустным, она смахнула слезинку. Конечно, она знала отца Георгия, да и как не знать, он вторым священником служил в храме.

— Очень был хороший батюшка, внимательный, добрый, — вздохнула она. — Больше всего матушку его жалко, совсем молодая, у них даже и детишек еще не было.

— А телефон матушки у вас есть? — спросил Волин.

— У меня нет, но отец Амвросий знает.

Настоятель храма отец Амвросий оказался классическим русским попом — высоким, дородным, с крупными суровыми чертами лица, львиной гривой и большой седеющей бородой. Внушительный наперсный крест во время служения пускал легкомысленных зайчиков, черная ряса обнимала тело священника, словно облако, увеличивая и без того крупную его фигуру.

— Вы меня простите, что я буду задавать странные, может быть, и даже дикие, с вашей точки зрения, вопросы, — сказал Волин настоятелю, когда тот вышел к нему после службы, — однако таков порядок следствия.

Отец Амвросий молча кивнул, глаза его карие сейчас казались почти черными, в них мерцал грозный огонь, как будто не следователь стоял перед ним, а сам убийца. Ишь ты, подумал Волин, глазами жжет, как лазером, видно, боевой поп. И продолжил.

— Скажите, не было ли у отца Георгия врагов среди прихожан, причта или людей, служащих при храме?

— У священника один враг — Сатана, — густым голосом отвечал настоятель, — люди же, даже самые отпетые, ему не враги, а лишь заблудшие души, которых надлежит наставить на путь истинный.

Старший следователь подумал, что отец Амвросий почему-то виляет, не хочет отвечать на вопрос прямо. Впрочем, может, у них тут так принято — не подозревать без серьезных оснований. Как это там сказано в Евангелии: всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду? Однако же с таким подходом убийцу нам придется искать очень долго. Придется поднадавить слегка на отца настоятеля.

— И все же, — Волин говорил мягко, но настойчиво, — попробуйте вспомнить, не было ли конфликтов, пусть даже и самых мелких, или просто непонимания между покойным и паствой? Может, он на кого-нибудь слишком суровую епитимью наложил или что-нибудь в этом роде, обидел кого-то?

Священник отвечал в том смысле, что народишко у них, конечно, дикий, но не до такой степени, чтобы за епитимью лишать пастыря жизни. Да и какую тот мог наложить особенно суровую епитимью — «Отче наш» сто раз прочитать? Или, может быть, пост усиленный назначить? Нет, отец Георгий был мягкий, добрый человек, совершенно не склонный к конфликтам, и на его, отца Амвросия, памяти не было у него ни с кем никаких распрей.

— Тогда, может быть, у убийства этого имеется религиозная подоплека? — спросил Волин. — Фанатики какие-нибудь... Бывали же случаи.

Настоятель покачал головой. Случаи бывали, конечно, вот только этот случай на прежние не по-

хож. Миссионерской деятельностью отец Георгий не занимался, по идейным вопросам ни с кем не сталкивался, у него даже аккаунта своего в соцсетях не было. О существовании такого пастыря среди мирян знало только совсем небольшое количество прихожан храма, где служил убиенный.

— А вы-то сами как думаете, кто убил отца Георгия? — спросил Волин.

— А Сатана и убил, — отвечал отец Амвросий безапелляционно.

Старший следователь слегка опешил. То есть как — Сатана? Это так следует понимать, что отец всякой лжи оставил срочные дела в преисподней, поднялся на поверхность, подстерег священника на его собственной подмосковной даче, ударил кирпичом по голове и был таков?

— Нет, конечно, — поморщился настоятель. — Сатана убил не сам, разумеется, а руками какого-нибудь бесноватого. Плохо, что случилось это за городом, а не в городе. В городе всюду камеры, наверняка записи бы остались.

Старший следователь согласился. Увы, в доме отца Георгия камер не было, и не могли они запечатлеть страшный момент его гибели. Что ж, придется, видно, опрашивать всех, кто при храме состоит, может, из них кто-то что-то знает...

— Можно и расспросить, если время девать некуда, — кивнул настоятель. — Вот только вряд ли вам кто-то скажет что толковое. Отец Георгий совсем недолго у нас служил, с людьми по-настоящему сойтись не успел, даже я о нем почти ничего не знаю. Мой вам совет: отправляйтесь прямиком к жене его, матушке Серафиме. Она единственная может что-то знать доподлинно.

Волин взял у настоятеля адрес и телефон матушки Серафимы и откланялся. За окном было уже темно, и он заколебался — не побеспокоит ли он несчастную вдову, если явится к ней в дом так поздно? Может быть, назначить встречу на завтра?

С тем он и позвонил по номеру, который дал ему настоятель. Однако матушка Серафима, услышав, где работает Волин, сказала просто:

— Если можете, приезжайте прямо сейчас...

Нечасто к работнику Следственного комитета проявляли такое расположение, и он решил ехать, не дожидаясь завтрашнего утра.

Уже через час Волин сошел с электрички в Жаворонках и углубился в тускло освещенные закоулки дачного поселка. Еще лет пятнадцать назад здесь по вечерам можно было плутать невесть сколько, но сейчас навигатор в смартфоне вывел его к цели кратчайшим путем.

Окруженная хлипким покосившимся забором, дача отца Георгия оказалась не дачей, а скорее деревенским домом, который смотрелся бедным родственником среди респектабельных двухэтажных строений.

— От бабушки с дедушкой достался, — объяснила матушка Серафима, пуская его внутрь.

На самом деле матушка была никакая не матушка, а совсем еще молодая, даже можно сказать, юная женщина с заплаканным, но каким-то очень ясным и чистым лицом, одетая в простое черное платье.

— Меня Серафима Владимировна зовут, — сказала она, когда Волин еще раз представился, теперь уже вживую, а не по телефону. — Чаю будете?

Старший следователь развел руками: не хотелось бы затруднять хозяйку...

— Не затрудните, — просто отвечала она. — Когда живая душа рядом, мне легче становится.

Возле этой женщины Волин чувствовал себя как-то странно, словно его в воздухе подвесили, и никак не мог найти нужного тона.

— Я, к сожалению, с пустыми руками, — проговорил он несколько виновато.

— Ничего, — отвечала Серафима Владимировна, — у нас все есть. И варенье есть, и сухарики.

Тут вдруг она умолкла и как-то беспомощно улыбнулась, глядя на него.

— Вот видите, — сказала, — до сих пор говорю — у нас. Никак не могу поверить, что Георгия уже нет со мной.

Она закусила губу и отвернулась.

«У бога мертвых нет», — вспомнилось вдруг Волину, но говорить это вслух он не стал. Такое можно говорить тому, у кого все близкие живы и здоровы, а не женщине, у которой только что страшной смертью погиб муж.

Пока поспевал чай, старший следователь обошел гостиную, с интересом разглядывая обстановку. Все в доме, от мебели до чайного сервиза, было самое простое, бедное, кроме, пожалуй, икон на стенах. Но не иконы привлекли его внимание — Волин заметил лежавший на столе открытый фотоальбом. Большая фотография в альбоме неожиданно заинтересовала его — точнее, не сама фотография, а люди, смотревшие с нее. На фото было три человека — два совсем молодых и один постарше, коротко стриженный, с широким лицом и тяжелым взглядом исподлобья. Старший следователь почувствовал, как сердце его забилось быстрее.